

ПОПУЛЯРНАЯ ФИЛОСОФИЯ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

РАЛЬФ УОЛДО ЭМЕРСОН

НРАВСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ

С КОММЕНТАРИЯМИ
И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 17
ББК 87.7
Э54

Дизайн серии *Алексея Родюшкина*
Предисловие и комментарии *Александра Маркова*
Перевод с английского *Елизаветы Ладыженской*

Эмерсон, Р.У.

Э54 Нравственная философия / Ральф Уолдо Эмерсон; сост., предисл., коммент. А.В. Маркова; пер. с англ. Е. Ладыженской. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Популярная философия с иллюстрациями).

ISBN 978-5-17-185241-2

Эта книга познакомит читателя с главными работами американского философа Ральфа Уолдо Эмерсона. В ней собраны размышления о том, как стать сильной и независимой личностью («Доверие к себе»), о житейской мудрости («Благоразумие»), а также о высших человеческих качествах: героизме, любви и дружбе.

Эмерсон считал, что настоящая нравственность не может быть построена на чужих указаниях или запретах. Она рождается изнутри, когда человек доверяет своей интуиции и чувствует свою связь с чем-то большим, чем он сам.

Философ резко критиковал общество за то, что оно давит на людей и заставляет их быть «как все», а также спорил с теми, кто видел в человеке лишь пассивный механизм. Удивительно, но эти мысли актуальны по сей день.

УДК 17
ББК 87.7

ISBN 978-5-17-185241-2

© Марков А.В., предисловие,
комментарии, 2026
© Издательство АСТ, 2026

Предисловие

Прозрачное глазное яблоко: жизнь и мысль Ральфа Уолдо Эмерсона

Представьте себе мир, только-только ощутивший головокружение от свободы. Позади — Война за независимость (1775–1783), кровь, порох, рождение республики. Впереди — необъятные леса, прерии, и главное — необъятная задача: создать не просто новое государство, а Нового Человека. Как мыслить этому человеку? На каком языке говорить с Богом и с самим собой? Европа с ее соборами, университетами, вековой пылью библиотек осталась за океаном, как старая родина, от которой отрыв был болезнен, но неизбежен. Молодая Америка 1830-х годов — это страна коммерсантов, проповедников и пионеров, страна кипучая, грубоватая, практичная, чья душа висела в воздухе, как неоперившаяся птица, не знающая, как взлететь.

В эту эпоху надежд и духовной растерянности является он — Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882). Человек, которому суждено было стать голосом этой новой, еще не сформулированной души. Не системный философ в европейском смысле, а «властитель дум», мыслитель-поэт, проповедник-философ, сеятель идей. Его инструмент — не логический трактат, а эссе, лекция, притча, афоризм. Его цель — не построение теории, а духовное пробуждение. Читать Эмерсона — значит не изучать доктрину, а вдыхать особый, разреженный и бодрящий воздух самостояния. И чтобы почувствовать всю сейсмическую силу его мысли, нужно погрузиться в ту интеллектуальную и культурную лабораторию, где готовился этот взрыв, — в американскую пустыню духа, жаждавшую откровения.

Часть 1. Пустыня духа. Глас вопиющего

Ральф Уолдо родился в Бостоне, в семье, где воздух, казалось, был пропитан благочестием и словами проповедей. Его отец, Уильям Эмерсон, пастор Первой церкви Бостонской, умер, когда мальчику было восемь лет, оставив семью в бедности, но в наследство — ореол духовного призвания. Мать, Рут Хаскинс Эмерсон, содержала пансион, чтобы дать детям образование. Это детство, отмеченное лишениями и пуританской строгостью, сформировало в нем стоицизм и жажду внутренней свободы.

После Гарвардского колледжа (1817–1821) и недолгого учительства юный Эмерсон, следуя семейной традиции, поступает в Гарвардскую школу богословия. Но какой была религиозная атмосфера Америки тех лет? Чтобы понять мятеж Эмерсона, нужно представить себе двух «тиранов», против которых он восстал.

Первый — философский сенсуализм Джона Локка. Эта влиятельная теория, господствовавшая в умах образованных американцев, утверждала: человеческий разум при рождении — *tabula rasa*, «чистая доска». Все наши идеи происходят исключительно из ощущений, из опыта. Никаких врожденных идей, никакого прямого доступа к трансцендентному. Мир — это механизм, познаваемый через органы чувств. Это была философия, идеально подходившая для нации прагматиков, ученых и деистов (веривших в Бога-часовщика, создавшего мир, но не вмешивающегося в него). Но для души, ищущей Бога внутри себя, это была философия тюрьмы. Она запирала человека в клетку пяти чувств.

Второй тиран — унитарянство. Это была либеральная, интеллектуальная религия бостонской элиты, сменившая суровый кальвинизм предков. Унитарии

Предисловие

отвергали догмат о Троице (отсюда и название — «единобожники»), считая Иисуса не Богом, а великим нравственным учителем. Они верили в разум, прогресс, добрую природу человека. Их богослужение было трезвым, интеллектуальным, почти лишенным мистики. Пастор-унитарий был скорее просвещенным лектором-моралистом. И вот в 1829 году Эмерсон, блестящий молодой выпускник, становится пастором престижной Второй церкви Бостонской. Казалось бы, карьера предсказана. Но кафедра скоро стала для него клеткой.

Его мучают фундаментальные сомнения. Разве Бог — это абстрактная идея, о которой можно читать лекции? Разве хлеб и вино причастия — это просто символы, утратившие живой контакт с духом? Личная трагедия — смерть от туберкулеза его первой, страстно любимой жены Эллен Луизы Такер в 1831 году — обострила эти поиски до предела. Смерть стала для него не риторической фигурой, а ужасающей реальностью, требующей не утешительных догм, а подлинного, прямого переживания вечности.

И в 1832 году он совершает немислимый для своего круга поступок. В проповеди, вошедшей в историю как «Спор о причастии», он заявляет, что более не может совершать таинство Вечери Господней, ибо не видит в нем божественного установления, а лишь исторический обряд, затемняющий прямой контакт души с Богом. Церковный совет пошел на компромисс, но для Эмерсона компромисс был уже невозможен. Он подает в отставку. Это был акт колоссального интеллектуального и гражданского мужества — разорвать с главным социальным институтом своего класса и остаться без средств к существованию. Но он обрел свободу. «В этом суть всего, — писал он позже, — хранить душу открытой для небес».

Часть 2. Открытие континента. Европа и рождение трансцендентализма

Освободившись от пасторских обязанностей, Эмерсон в 1833 году отправляется в Европу — не как турист, а как пилигрим в поисках единомышленников. Эта поездка стала для него духовным катализатором. В Англии он встречается со своим кумиром — Томасом Карлейлем, суровым пророком-романистом. Их встреча — история назидательная: Карлейль, угрюмый и циничный, ворчал о «тлетворности» современного мира, а молодой, светлый американец говорил о бесконечных возможностях духа. Их дружба, завязавшаяся в тот день, была дружбой противоположностей.

Но главные открытия ждали его не в салонах, а в книгах. Через Карлейля и других он открывает для себя немецкую философию — не напрямую (немецкого он не знал), а в преломлении. Он жадно впитывает (характерно для его метода чтения — выборочно, интуитивно, выхватывая идеи, а не системы) Канта, Шеллинга, Фихте. От Канта он берет принципиальное различие между «Рассудком» (Understanding), который оперирует чувственными данными, и «Разумом» (Reason) — высшей способностью к интуитивному, непосредственному постижению моральных и духовных истин. Вот он, ключ от клетки Локка! Есть в нас нечто, трансцендирующее (переступающее) опыт!

Параллельно он открывает английских романтиков — Кольриджа и Вордсворта, которые говорили о Природе не как о механизме, а как о живом организме, полном символов и голосов, и о поэте как о провидце. Этот коктейль — немецкий идеализм, английский романтизм, очищенный через пламя личного духовного

Предисловие

кризиса, и американский пуританский спиритуализм — взорвался, дав жизнь трансцендентализму.

По возвращении в Конкорд (маленький городок под Бостоном, ставший его домом и духовной столицей движения), Эмерсон начинает читать лекции. Он становится центром притяжения для бунтующих умов: для учителя-идеалиста Амоса Бронсона Олкотта, для мятежной интеллектуалки Маргарет Фуллер, для молодого, угрюмого и самостоятельного Генри Дэвида Торо. Они собираются, спорят, издают журнал «Дайел» (The Dial, 1840–1844). Это не была школа с четкой доктриной. Это было настроение, бунт души против материализма и формализма.

Часть 3. Манифесты: «Природа», «Американский ученый», «Доверие к себе»

В 1836 году, анонимно, выходит тонкая книжка в 95 страниц — «Природа» (Nature). Это не трактат по натурфилософии, а лирико-философский манифест. С первых же строк он задает тон: «Наш век — ретроспективный. Он строит гробницы отцов... Почему бы нам не наслаждаться оригинальными отношениями со Вселенной?» Эмерсон предлагает не изучать природу через чужие книги, а увидеть ее заново, как Адам в райском саду.

Он развивает свою символическую онтологию: Природа — это язык Бога. Каждый факт в природе — это символ некоего духовного факта. «Весь мир — метафора разума». Река — это течение времени или жизни; гора — это стойкость; восход солнца — это откровение. Материальный мир — это одеяние Духа, которое он называет Овер-Соул (Over-Soul, в переводе этой книги — Всевышний) — мировая душа, безличный, всепроникающий божественный разум, в котором участвует

каждая индивидуальная душа. Задача человека — научиться читать эту «великую книгу Природы», и через это чтение — познавать самого себя, ибо внутри нас тот же автор. «Я становлюсь прозрачным глазным яблоком; я — ничто; я вижу все; токи Вселенского Бытия циркулируют через меня».

Если «Природа» — метафизический базис, то произнесенная в Гарварде в 1837 году речь «Американский ученый» (The American Scholar) — это культурная программа и интеллектуальная декларация независимости. Эмерсон обрушивается на «рабское» преклонение Америки перед европейской культурой. «Нас слишком долго кормили объедками с пиршества других народов... Мы ходим в школу по чужим системам», — провозглашает он. Кого он называет «Ученым»? Не академического специалиста, а «человека мыслящего» (Man Thinking). Его образование должно складываться из трех источников: 1) Природа (как система символов); 2) книги прошлого (но не как догма, а как вдохновение, и нужно уметь их вовремя отложить); и самое главное — 3) действие. «Жизнь — это наш словарь» (dictionary), то есть предмет занятий и практической грамотности. Без действия мысль никогда не станет зрелой. Речь произвела эффект разорвавшейся бомбы. Молодой Оливер Уэнделл Холмс — старший, врач и поэт (и вероятный прототип Шерлока Холмса) назвал ее «нашей интеллектуальной Декларацией Независимости».

Но самым радикальным, самым зажигательным текстом стало эссе «Доверие к себе» (Self-Reliance, 1841, вошло в Первый сборник эссе). Это гимн индивидуализму, доведенный до религиозного экстаза. Общество — «заговорщик» против самостоятельности каждого своего члена. «Против вас — весь мир. Вы должны быть неправы для всего мира, как весь мир — неправ

Предисловие

для вас». Его знаменитые афоризмы — вызов на каждом шагу: «Глупость последовательности — суеверие маленьких умов»; «Быть великим — значит быть непонятым». Это не апология эгоизма в обычном смысле. Для Эмерсона истинное «я» — это частица божественного Over-Soul. Поэтому «доверять себе» — значит доверять Богу внутри себя. Это призыв к моральному героизму, кверности внутреннему голосу (интуиции) вопреки всем внешним давлениям — общественному мнению, традиции, даже собственной прошлой логике. Это философия духовного анархизма, оправдывающая гения, пророка и любого, кто осмеливается думать самостоятельно.

Термин self-reliance можно передать как «само-стояние» — так лучше всего можно подчеркнуть диалектику локального и универсального, умение жить собственным умом, но при этом очищать ум от эгоизма, делать прозрачным сам взгляд ума. Русский читатель сразу вспомнит Пушкина:

На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека, —
Залог величия его.

И пушкинский перевод из Саути:

Часы неизъяснимых наслаждений!
Они дают мне знать сердечну глубь,
В могуществе и немощах его,
Они меня любить, лелеять учат
Не смертные, таинственные чувства,
И нас они науке первой учат —
Чтить самого себя. О нет, вовек
Не престававал молить благоговейно
Вас, божества домашние.

Александр Марков

Delightful hours

That gave mysterious pleasure, made me know
All the recesses of my wayward heart,
Taught me to cherish with devoutest care
Its strange unworldly feelings, taught me too
The best of lessons—to respect myself!
Nor have I ever ceas'd to reverence you
DOMESTIC DEITIES!

«Наука первая» — то есть фундаментальная, главнейшая. «Чтить самого себя» — не в смысле самолюбования, а как акт глубокого уважения, благоговения перед святыней собственной внутренней судьбы и совести. Пушкинский герой говорит об этом как об откровении, дарованном «часами неизъяснимых наслаждений», уединением с «божествами домашними» — то есть с тем, что Эмерсон назвал бы «гением домашнего очага», внутренним божеством. Эта параллель не случайна. Она указывает на то, что почва для восприятия Эмерсона в России была подготовлена задолго до его официального открытия. Что такое «доверие к себе» (self-reliance) как не практическое применение той самой «науки — чтить самого себя»? И пушкинское «чтить», и эмерсоновское «доверять» сходятся в одной точке: в признании за внутренним миром человека высшего суверенитета и непреложной ценности. Это не эгоизм, а долг — быть верным тому глубочайшему «я», которое является частью мирового порядка.

Таким образом, знакомясь с Эмерсоном, русский читатель встречается не с чуждой и экзотической доктриной, а с мощным, систематизированным и доведенным до экстаза выражением знакомого чувства. Эмерсон дает этому чувству философский каркас, исторический контекст, заряжает его энергией американского экспе-

Предисловие

римента. Он превращает лирическое озарение — «читать самого себя» — в целую программу жизни: интеллектуальную, этическую, гражданскую. Он объясняет, почему это «первая наука» и как ее изучать — через природу, через действие, через неповиновение миру ради повиновения собственной душе. Поэтому «самостояние» — не просто перевод. Это точный термин, улавливающий и пушкинское «читать» (*respect*, Саути), и эмерсоновское «доверять», и добавляющий к ним активное, творческое начало: стояние на собственной основе, строительство своего мира из материала своей души. Воздух этого самостояния — разреженный, чистый и требующий мужества — и есть та атмосфера, в которой дышит мысль Эмерсона. Вдыхая его, мы не просто изучаем историю заокеанской мысли — мы прикасаемся к универсальному и вечному опыту пробуждения личности, который в разное время и на разном языке переживали и Саути, и Пушкин, и сам пророк из Конкорда.

Часть 4. Испытание жизнью. Трагедия и углубление мысли

Эмерсоновский оптимизм был солнечным и, казалось, безоблачным. Но судьба послала ему жестокую проверку. В 1842 году от скарлатины умирает его пятилетний сын Уолдо, свет его жизни. Это опустошает мыслителя до основания. «Этот удар... лишил меня всех сил, — пишет он. — Я не могу писать, не могу читать, не могу думать. Все мои методы кажутся детской забавой». Трансцендентальная уверенность в гармонии и благости мироздания дает глубокую трещину. Из этой бездны рождается новый, более трагичный и мудрый Эмерсон.

Его второй сборник «Опыты» (*Essays: Second Series*, 1844) носит на себе следы этой боли. В эссе «Опыт»

(Experience) он говорит о «завесе иллюзий», которая отделяет нас от реальности, о «скользкости» жизни, где мы никогда не можем до конца схватить истину. Гораздо большую роль теперь играют категории «Компенсации» (Compensation) и «Судьбы» (Fate). «Компенсация» — это нравственный закон равновесия в мире: «За все доброты платишь злом, а за всякое зло — добром». Ничто не дается даром. «Судьба» — это признание власти обстоятельств, наследственности, характера. «Характер — это судьба в форме человека». Однако даже здесь Эмерсон не сдается. Он ищет диалектику: «Судьба» противостоит «Силе» (Power) — той самой творческой энергии человека. Жизнь — это напряжение между этими двумя полюсами. Его мысль становится глубже, сдержаннее, в ней меньше экстаза и больше стоической резиньции (принятия обстоятельств).

Это не отказ от принципов, а их зрелость. И эта зрелость проявляется в гражданской позиции. Хотя Эмерсон по натуре был не революционером, а созерцателем, вопрос рабства заставил его действовать. Он видел в рабстве не просто социальное зло, а метафизическое преступление — отрицание божественной природы в другом человеке. В 1844 году он произносит гневную речь против аннексии Техаса как рабовладельческой территории. В 1851 году, после принятия позорного Закона о беглых рабах (требовавшего возвращать сбежавших рабов их хозяевам даже в свободных штатах), его протест становится пламенным. А после казни Джона Брауна в 1859 году за попытку поднять восстание рабов, Эмерсон называет его «новым святым», чья смерть «одухотворит виселицу, как некогда крест». Действие стало для него продолжением морального императива. Как написал Т.-С. Элиот уже в XX веке:

Предисловие

The lengthened shadow of a man
Is history, said Emerson.

(Продленная тень человека — история, говорил Эмерсон).

Часть 5. Всемирные волны

Волны от эмерсоновского камня, брошенного в спокойные воды американского самосознания, расходились далеко и надолго, достигая неожиданных берегов. Его ближайший ученик, Генри Дэвид Торо, взял доктрину «доверия к себе» и довел ее до логического жизненно-го эксперимента. Его двухлетнее уединение на берегу Уолденского пруда (Walden Pond) (1845–1847) было практическим исследованием эмерсоновской идеи о самодостаточности и познании природы. Его эссе «Гражданское неповиновение» (1849), вдохновленное эмерсоновским призывом слушаться высшего закона, стало краеугольным камнем теории ненасильственного сопротивления, повлияв на Льва Толстого, Махатму Ганди и Мартина Лютера Кинга. Великий поэт Уолт Уитмен признавался, что, прочитав Эмерсона, ощутил «благодарный электрический толчок». Его «Листья травы» (1855) — это поэтическая реализация эмерсоновской программы «американского поэта», воспевающего и божественность каждой травинки, и святость тела, и демократическую множественность. Эмерсон, прочитав первый тираж, написал Уитмену восторженное письмо, признав в нем того самого пророка, которого ждал. Самое удивительное пересечение — с Фридрихом Ницше. Немецкий философ, вероятно, читал Эмерсона в оригинале и находил в нем родственный дух. Эмерсоновский призыв «не подчиняться никакому закону, кроме того,